

АППОЗИТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ОПРЕДЕЛЯЕМЫМ АНТРОПОНИМОМ В ИДИОСТИЛЕ Н.С. ЛЕСКОВА

Л.В. Алешина

*Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и методики начального общего образования
e-mail: alyoshinalv@mail.ru*

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

Статья посвящена дискуссионному вопросу разграничения сложносоставных существительных и аппозитивных словосочетаний, принципам лексикографической разработки последних в словаре авторских новообразований Н.С. Лескова. Массив представленных в отдельном приложении словаря аппозитивных словосочетаний может быть подвергнут выборке в зависимости от целей и задач конкретного исследования. В статье детально рассматриваются аппозитивные словосочетания с определяемым антропонимом как одно из средств выражения авторской интенции. Было установлено, по каким признакам даётся характеристика лица, проанализировано контекстное окружение аппозитивных словосочетаний, выявлены функции рассматриваемых конструкций в идиостиле Лескова.

***Ключевые слова:** сложносоставные существительные, аппозитивные словосочетания, антропонимы, словарь новообразований, Лесков.*

Решению научно-исследовательских задач, связанных с изучением идиостиля мастеров слова, способствует активно развивающаяся в последние десятилетия авторская лексикография. Как справедливо отмечает Л.Л. Шестакова, «авторский словарь, аккумулирующий всю лексику произведений автора/авторов или какие-то ее пласты, является и продуктом исследовательского подхода, и инструментом анализа» [Шестакова 2012: 36]. Отечественная словарная практика накопила значительный опыт составления авторских (писательских) словарей, в том числе словарей авторских новообразований, каждый из которых является результатом творческой работы составителей. Словари новообразований характеризуются рядом особенностей, отличающих их от писательских словарей других типов. Трудности начинаются с определения предмета лексикографирования, поскольку зачастую непросто решить вопрос о том, является ли то или иное слово авторской инновацией. Считаем, что фиксацию в словарях авторских новообразований прежде всего должны получить некодифицированные контекстно обусловленные словоформы, которые воспринимаются как неузуальные. При этом есть языковые единицы, которые занимают промежуточное положение между словом и

словосочетанием. Речь идёт о конструкциях типа *жених-реалист*, *женщина-писатель*, *Павел-дьячок* и т.п.

В последние годы наблюдается повышенный интерес к сложносоставным конструкциям. Это объясняется тем, что «одним из активных процессов в современной русской письменной речи является регулярное образование и интенсивное употребление дефисных комплексов разной структуры» [Николина 2011: 467]. При этом ряд ученых рассматривает сложно-дефисные конструкции недифференцированно. Так, Р.И. Хашимов предлагает все единицы, образованные словосложением, именовать *билексемой*. «Билексемы, в отличие слов, не обладают воспроизводимостью, не существуют в сознании человека и не извлекаются в речи в готовом виде. Основная масса билексем типа *друг-приятель*, *звать-величать*, *жить-поживать*, *город-герой*, *три-четыре*, *десять-двадцать* и т.п. представляет собой особое, свободное агглютинативное сочетание слов в пределах единого фонолексического комплекса» [Хашимов 2008: 32]. При этом четыре из шести приведённых примеров (*друг-приятель*, *звать-величать*, *жить-поживать*, *город-герой*) характеризуются закреплённым порядком компонентов, воспроизводимостью и вряд ли относятся к свободным словосочетаниям.

А.В. Спиридонов в статье, посвящённой сложно-дефисным образованиям в романе Василия Аксенова «Редкие земли», говорит об окказиональных дефисных комплексах (авторских неологизмах дефисной оформленности, индивидуально-авторских новообразованиях с дефисным написанием), под которыми понимает «не только дефисные комплексы, заменяющие синтаксические единицы, но и те новообразования-композиции, для которых характерен дефисный способ написания» [Спиридонов 2013: 105]. Под это общее определение попадают такие разные конструкции, как *очки-лупоглазы*, *дева-сержант*, *Вова-с-кепкой*, *скрытно-большевизм*, *млечно-румяный*, *достаточно-порядочно*, *реви-и-глуши*, *Любка-Любка-Потеряла-Юбку* и мн. др.

Если конструкции типа *Вова-с-кепкой*, *скрытно-большевизм*, *млечно-румяный*, *достаточно-порядочно*, *реви-и-глуши* и под. безусловно относятся к окказиональному словообразованию, то сложно-дефисные субстантивно-субстантивные сочетания требуют отдельного рассмотрения, поскольку при работе с ними у лексикографов возникает проблема отграничения словосочетаний с аппозитивными отношениями, т.е. отношениями между определяемым существительным и одиночным приложением, от сложносоставных существительных с полуслитным (дефисным) написанием (*диван-кровать*, *вагон-ресторан*, *штаб-квартира* и т.п.), у которых наблюдается единство парадигмы при склонении, т.е. неизменяемость первого компонента (наблюдается далеко не всегда), закреплённый порядок компонентов, единое ударение (речь идёт об

основном ударении). Такой взгляд на существительные, образованные словосложением, высказывает Е.А. Земская [Земская 1973: 177] и многие другие учёные.

Г.М. Абакшина отмечает, что сложносоставные слова «не нашли еще последовательного способа лексикографической кодификации. Несмотря на то, что вопрос о помещении сложений не был особо рассмотрен ни в одном словаре литературного языка, каждый новый словарь, наследуя принципы помещения сложносоставных слов предшествующих словарей или пересматривая их, вносил свой вклад в общую традицию лексикографической кодификации сложений в толковых словарях русского языка»; далее предлагается семантически целостные сложения, обладающие хотя бы одним из названных Е.А. Земской показателей структурной цельнооформленности, считать самостоятельными словами и помещать в качестве заголовочного слова словарной статьи [Абакшина 1984: 145–147]. Однако при этом не поясняется, в чем проявляется семантическая целостность сложно-дефисных конструкций, как можно ее выявить.

Н.М. Меделец обращает внимание на семантические отношения между компонентами сложносоставных существительных: вторая часть у них, как правило, указывает «на устройство, назначение, способ действия предмета» [Меделец 2009: 111]. Но и этот критерий не универсален, поскольку «характер взаимоотношений компонентов целостной единицы *рабочий-рационализатор* и *изба-читальня*, отнесенных к разным типам (приложения и сложные слова), по признаку наличия какого-либо качества, свойства, функционального признака и т.п. в принципе трудно различимы» [Хашимов 2008: 32].

Таким образом, далеко не всегда можно с уверенностью провести грань между сложносоставными существительными и аппозитивными словосочетаниями. Полагаем, что одним из признаков сложносоставных существительных является идиоматичность их лексического значения, которое не сводится к простой сумме значений производящих слов. Так, значение существительного *плащ-палатка* (у военнослужащих: плащ-накидка, приспособленная также для использования в качестве палатки и носилок' [ТСРЯ 1997]) нельзя механически вывести из значений слов *плащ* и *палатка*, налицо семантические приращения. Значение же аппозитивных словосочетаний, как правило, полностью мотивируется лексическим значением их компонентов: *архитектор-француз*, *вдова-полковница*, *Лукьян-дьячок* и т.п.

Об узуальности и отнесённости к лексическому уровню таких единиц, как *вагон-ресторан*, *плащ-палатка*, *штаб-квартира* и под. свидетельствует также их воспроизводимость. Однако в языке писателя воспроизводимость может быть присуща и существительным с одиночным приложением. Так, в повести Н.С. Лескова «Аскалонский злодей»

неоднократно встречаются аппозитивные словосочетания *Раввула-темничник*, *Тивуртий-доумцик*, *Фалалей-корабельщик*; в романе-хронике «Соборяне» к ключевым единицам относится словосочетание *Ахилла-дьякон* и т.д.

О дискуссионности вопроса о статусе сложно-дефисных субстантивных образований свидетельствует терминологический разнобой, который наблюдается в работах лингвистов: сложносоставные дефисные комплексы, сложносоставные дефисные существительные, сложные составные слова, дефисные сочетания, составные номинации, сочетания с приложением, окказиональные дефисные комплексы, окказионализмы с дефисным приложением, разнословные сложения и др. Некоторые исследователи не усматривают принципиальной разницы между сложносоставными существительными и существительными с приложением. Так, М.А. Дрога считает, что любая сложносоставная субстантивная конструкция – это слово, «единая номинативная единица, образованная способом сложения и графически оформленная с помощью дефиса» [Дрога 2010: 10]. С этим трудно согласиться, поскольку существительные с полуслитным написанием являются единицами лексического уровня и выполняют собственно номинативную функцию, тогда как существительным с приложением как межуровневым единицам свойственна как номинативная, так и полупредикативная функция.

Нам близка точка зрения Т.И. Кочетковой, которая считает, что следует «разграничивать разноуровневые единицы словосложения, имеющие одинаковую структуру (сложносоставные существительные и аппозитивные словосочетания)» [Кочеткова 2005: 5]. Аппозитивные словосочетания «именуют предмет и одновременно приписывают ему признак через отношение к другому предмету – таким образом создается препозитивная номинация» [Кочеткова 2005: 12].

В словники нормативных толковых словарей, в том числе словарей неологической лексики, должны включаться сложносоставные существительные, получившие хождение в речевой практике языкового коллектива. Напротив, в словарях языка писателя следует разрабатывать сложно-дефисные конструкции с одиночным приложением, или аппозитивные словосочетания, как синкретичные единицы, занимающие промежуточное положение между словом и словосочетанием, поскольку, как справедливо отмечает И.В. Величко, «употребление и функциональная специализация приложений как фактов номинативно-синтаксического семиозиса маркировано интенциями языковой личности автора художественного текста» [Величко 2009: 9]. К такому же мнению в ходе работы над «Поэтическим словарем языка М.Ю. Лермонтова» приходит Г.И. Шипулина. Исследователь считает, что для существительных с дефисным приложением обязательна «фиксация в словарях языка писателя

(к сожалению, ни в Словаре языка Пушкина, ни в частотном словаре языка М.Ю. Лермонтова они не отмечены)» [Шипулина 2017: 10].

Особые трудности возникают при работе со словарями авторских новообразований, когда нужно решить, включать ли аппозитивные словосочетания в словник как инновации или считать их свободно творимыми синтаксическими единицами.

В ходе работы над словарём новообразований Н.С. Лескова нами было выявлено 538 сложно-дефисных субстантивных конструкций, относящихся к аппозитивным словосочетаниям разных типов, которые, на наш взгляд, должны получить отражение в словаре новообразований писателя, поскольку «приложение как пространственная форма номинации не просто дает второе наименование денотату, но и несет определенное знание о нем, то есть характеризует намерение, желание, предрасположенность языковой личности автора включить некую фоновую информацию в текст» [Величко 2009: 15].

Решая вопрос о лексикографической разработке в словаре авторских новообразований Лескова аппозитивных словосочетаний, мы пришли к выводу, что они должны быть представлены в отдельном приложении, словник в котором располагается по алфавитному принципу, а словарная статья содержит зону цитации и адресную зону (название произведения, его жанр, дата создания; источник цитации – издание, том, страница, при этом арабскими цифрами обозначаются тома Собрания сочинений в 11-ти томах. М., 1956-1958; римскими цифрами обозначаются тома Собрания сочинений в 12-ти томах. М., 1989). Зону же словарной дефиниции считаем излишней, поскольку семантика рассматриваемых конструкций выводится из лексического значения компонентов. Однако нередко компоненты аппозитивных словосочетаний выражены словом, значение которого может быть непонятно современному читателю. Так, требуют пояснения определяющие компоненты в словосочетаниях *баба-дулеба*, *баба-неха*, *Еспер-звезда*, *Николай-ересиарх* и мн. др. Необходимо дать сведения экстралингвистического характера о денотате ряда антропонимов (исторических личностей, библейских персонажей). В таких случаях словарная статья содержит факультативную зону дополнительных сведений.

Итак, словарные статьи аппозитивных словосочетаний выглядят следующим образом:

АРИНА-КОРОВНИЦА *А жеребят в этот год был приставлен стеречь мальчик Петруша, - сын той самой Арины-коровницы, которая Паньке картошек жалела, а все своим детям отдавала.* Дурачок; рассказ; 1891; XI, с.244

ИУСТИН-ФИЛОСОФ* *Ориген, Иустин-философ и другие великие умы со всех сторон брали дичок и его культивировали христианским колером.* Письмо В.Г. Черткову; 28 янв. 1887; 11, с. 328

*Иустин – раннехристианский богослов и философ

РАЗЛЮЛЯЙ-ИЗМИГУЛ* *Разлюляй-измигул, гулевой мужичонко, шершавенький, повсегда он одет в зипунишечке в пестреньком - один рукав кармазинный, а другой лазоревый, на голове у него суконный колпак с бубенчиком, штаны пестрядинные, а подпоясочка лыковая. Час воли божией; сказка; 1890; 9, с. 14*

*Измигула, измигулька об. измигульник м. -ница ж. лентяй, дармод, туняйд, огуряла, лыняло, избывающий работу [ТСД].

Работа по лексикографической обработке авторских новообразований – не самоцель. Словарь даёт материал для дальнейших исследований, при этом массив представленных в словаре инноваций может быть, в свою очередь, подвергнут выборке в зависимости от целей и задач конкретного исследования. Так, классификация аппозитивных словосочетаний может осуществляться с учётом разных признаков. Для выявления роли этих конструкций в выражении авторской интенции следует прежде всего в опоре на контекст установить определяемый и определяющий компоненты и проанализировать семантические отношения между ними. Вслед за Т.И. Кочетковой считаем, что с учётом отношений между компонентами можно выделить три основных типа аппозитивных словосочетаний: «1) аппозитивные словосочетания с классифицирующим компонентом; 2) аппозитивные словосочетания с классифицирующе-характеризующим компонентом; 3) аппозитивные словосочетания с характеризующим компонентом» [Кочеткова 2005: 5].

Остановимся на конструкциях, где определяемым компонентом является антропоним. В основном это словосочетания с классифицирующе-характеризующим компонентом, который «не только идентифицирует предмет, обозначенный именем собственным, относя его к классу людей, но и даёт дополнительную информацию об этом лице, характеризуя его с точки зрения социального, семейного или иного статуса, а также по роду деятельности» [Кочеткова 2005: 22].

В языке Лескова нами выявлено 65 таких аппозитивных словосочетаний. В большинстве из них определяющий компонент даёт характеристику лица по следующим признакам:

1) по роду деятельности: *Акулина-пряничница, Арина-коровница, Ахилла-дьякон, Данилка-комиссар, Зенон-златокузнец, Иустин-философ, Капитон-сводчик, Ковза-кузнец, Лукьян-дьячок, Мирон-кучер, Павел-дьячок, Павлуша-дьячок, Павлушка-дьяк, Памфалон-скоморох, Петруша-воитель, Платон-философ, Разлюляй-гудошник, Севастьян-изограф, Серега-дьячок, Сергей-дьячок, Тараска-шорник, Шевченко-поэт, Шевченко-художник, Фалалей-мореход, Фалалей-мореходец, Фалалей-корабельщик, Тивуртий-доимщик, Раввула-темничник, Никодим-мироварник;*

2) по свойствам природы, чертам характера, а также по поведению, определяемому такими свойствами, чертами: *Ахилла-воин, Дарья-воровка, Иуда-предатель, Разлюляй-измигул, Тришка-разбойник, Филарет-милостивец, Ян-отравитель, Анастас-душегубец, Анастас-злодей, Анастас-разбойник, Фермуфий-молчальник;*

3) по отношениям родства, положению в семье: *Гамлет-отец, Герцен-сын, Кузьма-домочадец, Левель-вдовец;*

4) по социальному положению, статусу: *Давид-царь, Кузька-бог, Никола-князь, Уляна-боярыня, Хлопов-аристократ;*

5) по месту проживания: *Исаак-сириец, Руфин-византиец;*

6) по убеждениям, взглядам: *Глафира-нигилистка, Глафира-спиритка;*

7) по национальности: *Авдотья-калмычка;*

8) по вероисповеданию: *Федор-христианин;*

9) по национальности и вероисповеданию: *Абрам-жидовин;*

10) по интересам, увлечениям: *Антон-астроном.*

Ряд конструкций с определяемым антропонимом содержит оценочный (или эмоционально-оценочный) компонент, когда характеристика лица даётся с точки зрения субъекта речи по следующим признакам:

1) по интеллектуальным особенностям, а также по поведению, определяемому такими особенностями: *Иосафушка-дурачок, Памфилка-дурак, Памфилка-дурачок, Филатушка-дурачок;*

2) по внешнему виду: *Катька-чернявка, Саша-розан;*

3) по поведению, внутренним качествам: *Манька-плутовка (шутливо), Фомка-политик (иронично);*

4) по убеждениям, взглядам (самоиронично): *Николай-ересиарх.*

Определяемым компонентом в рассматриваемых аппозитивных словосочетаниях чаще всего являются имена героев лесковских произведений, а также имена исторических личностей и библейских персонажей: *Авдотья-калмычка* (калмычка Авдотья (Евдокия) Буженинова, любимая шутиха императрицы Анны Иоанновны, невеста на знаменитой шутовской свадьбе в Ледяном доме); *Гамлет-отец, Герцен-сын* (старший сын А.И. Герцена); *Давид-царь* (по Священному писанию второй царь Израиля); *Исаак-сириец* (один из Отцов Церкви, живший в Ассирии и Сирии во второй половине VII века); *Иуда-предатель; Иустин-философ* (раннехристианский богослов и философ); *Кузька-бог* (крепостной Кузьма Алексеев, в 1808 г. объявивший себя пророком, прозванный «Кузька – мордовский бог»); *Кузьма-домочадец* (верный слуга князя Андрея Юрьевича Боголюбского); *Никола-князь* (Святослав Луцкий, сын черниговского князя Давида Святославича, правнук Ярослава Мудрого, в 1106 г. принявший постриг в Киево-Печерской лавре под именем Николай); *Петруша-воитель* (Петр I);

Платон-философ; Тришка-разбойник (Тришка-Сибиряк разбойничал в 30-е годы XIX в. в Смоленском уезде, слыл защитником обездоленных); *Ульяна-боярыня* (православная праведная Иулиана Лазаревская (Муромская), причисленная к лику святых, умерла в 1604 году); *Филарет-милостивец* (Филарет Сергиевский, ректор Московской духовной семинарии, член цензурного комитета); *Шевченко-поэт; Шевченко-художник.*

В одном случае определяемым компонентом является имя самого Лескова. В концовке некоторых его писем встречается шутливая подпись, содержащая лексему *ересиарх* ‘перен. Идеолог учения, ложного с точки зрения говорящего’ [НСРЯ], чаще всего с определением *смиранный / лжесмиранный*, подчеркивающим интенцию самоиронии. Письмо Лескова А.Н. Пешковой-Толиверовой от 26 декабря 1887 г. завершается подписью *Смиранный Николай-ересиарх.*

Среди анализируемых конструкций наблюдаются варианты аппозитивные словосочетания, где а) определяемый компонент представлен официальным вариантом имени и качественным, со значением субъективной оценки: *Павел-дьячок* и *Павлуша-дьячок*, *Сергей-дьячок* и *Сергега-дьячок*; б) вариантами формами представлен характеризующий компонент: *Памфилка-дурак* и *Памфилка-дурачок*; в) вариантами формами представлены оба компонента: *Павел-дьячок*, *Павлуша-дьячок* и *Павлушка-дьяк.*

Аппозитивные словосочетания, встречающиеся в одном произведении, могут находиться в синонимических отношениях: *Анастас-душегубец*, *Анастас-злодей*, *Анастас-разбойник*; *Фалалей-мореход*, *Фалалей-мореходец*, *Фалалей-корабельщик.*

При одном определяемом компоненте могут употребляться компоненты-классификаторы, дающие разную характеристику лица по видам деятельности: *Шевченко-поэт* (<..> *здесь была спальня и литературный кабинет Шевченко-поэта* [СС, т. 10, с.8]), *Шевченко-художник* (*Квартира эта состояла из одной очень узкой комнаты, с одним окном, перед которым Шевченко-художник обыкновенно работал за мольбертом* [СС, т. 10, с.7]); по роду деятельности и по поведению: *Ахилла-дьякон*, *Ахилла-воин* (<..> *он, прощаясь, сказал Туберозову: «Ну, говорит, отец Савелий, пока я этого Варнаву не сокрушу, не зовите меня Ахилла-дьякон, а зовите меня все Ахилла-воин».* *Что же, пусть воют, я его не боюсь* <..> [СС, т. 10, с.7]).

Контекстное окружение аппозитивных словосочетаний с определяемым антропонимом в художественных и публицистических произведениях Лескова, как правило, содержит «слова-стимулы, которые «предсказывают», предопределяют появление составного наименования и способствуют правильному пониманию его значения» [Дрога 2010: 16]

(хотя зачастую их значение предельно прозрачно и контекст скорее семантически поддерживает аппозитивное словосочетание):

1) аппозитивным словосочетаниям предшествуют развёрнутые описательные конструкции (так, восприятие словосочетаний *Фалалей-мореход*, *Фалалей-мореходец*, *Фалалей-корабельщик* подготовлено контекстом: *В то время, как в Аскалоне устанавливалось христианство, жил там один богатый купец-корабельщик, по имени Фалалей. <..> Фалалей был отважный и искусный мореходец <..>* [Лесков, т. 10, с.173]);

2) в контексте употреблено слово, которое затем становится характеризующим компонентом аппозитивного словосочетания (*В могиле был не мертвец, а в ней жил христианин, аскет и молчальник, старец Фермуфий. <..> обет его разрешился совсем мимовольно: Фермуфий-молчальник стал бредить...* [Лесков, т. 10, с.209]);

3) в контексте раскрывается мотивация, лежащая в основе эмоционально-оценочного компонента (*Брат двоюродный у него был почти такой же, как он, молоденький, розовый юноша, которого все за его юность и девственную свежесть так и называли «Саша-розан»* [СС, т. 8, с.59]);

4) в контексте употребляются слова, находящиеся в синонимических отношениях с характеризующим компонентом аппозитивного словосочетания (*<..> за несколько дней ранее в эту самую яму <..> был помещен и прикован на пять цепей за руки и за ноги, и за шею береговой злодей, по имени Анастас-душегубец. Он был известный разбойник* [Лесков, т. 10, с.181]);

5) в контексте употребляются слова, с которыми характеризующий компонент аппозитивного словосочетания находится в отношениях производности (*<..> Никодим-мироварник, который продавал миро, – он стал всем рассказывать, что Федора грешно и слушать <..>* [Лесков, т. 10, с.241]);

б) в контексте употребляются слова-ассоциаты, как правило, относящиеся к той же тематической группе, что и характеризующий компонент аппозитивного словосочетания (*<..> я сама до света встала и побежала к Мирону-кучеру, чтобы он закладывал карету как можно лучше* [СС, т. 10, с.177]).

В большинстве случаев рассматриваемые конструкции в идиостиле Лескова выполняют компрессивную функцию, позволяя передать двумя словами значение сложного словосочетания или предложения, в чём проявляется действие универсального лингвистического закона экономии языковых средств. Так, значение аппозитивных словосочетаний *Глафира-нигилистка* и *Глафира-спиритка* в опоре на широкий контекст (содержание романа «На ножах») можно сформулировать следующим образом: Глафира – человек абсолютно беспринципный, ни во что не

верящий, преследующий исключительно корыстные цели, при этом она лицемерно декларирует нигилистические взгляды, устраивает спиритические сеансы (*Глафира-нигилистка и Глафира-спиритка не верила ни в Бога, ни в духовное начало человека, но игра в спиритизм, заставлявшая для вида рассуждать о независимой природе духа, развила в ней нечто такое, что она могла принимать как казнь за свое шарлатанство* [Лесков, т. 9, с.369]).

Многие аппозитивные словосочетания с определяемым антропонимом, наряду с компрессивной, выполняют оценочную функцию, что обусловлено эмоционально-экспрессивной окраской слов, которыми выражен определяющий компонент, чаще всего дающий отрицательную оценку лица (*Анастас-душегубец, Анастас-злодей, Анастас-разбойник, Дарья-воровка, Иуда-предатель, Тришка-разбойник, Ян-отравитель*), реже снисходительную (*Иосафушка-дурачок, Памфилка-дурачок, Филатушка-дурачок, Разлюляй-измигул, Катька-чернявка*), шутливо-одобрительную (*Манька-плутовка*), ласкательно-одобрительную (*Саша-розан*).

Аппозитивные словосочетания *Гамлет-отец* (*Стахеев идет спать и засыпает для зрителя навеки: во время его сна ему, как Гамлету-отцу, вливают в ухо яд, от которого стынет кровь в жилах <..>* [ПСС, т. 5, с.508-509] и *Герцен-сын* (*Поездки в Норвегию Герцена-сына и Бакунина<..>* – все это дела дней позднейших [Лесков, т. 3, с.12]) призваны дифференцировать денотат антропонима и прецедентное имя, поскольку *Гамлет* вызывает представление о главном герое шекспировской пьесы, племяннике короля Клавдия и сыне прежнего короля – Гамлета, а фамилия *Герцен* – об Александре Ивановиче Герцене, революционере, публицисте, писателе.

В повести «Аскалонский злодей», одной из цикла «византийских» легенд, написанных на основе сюжетов из Пролога – древнерусского переводного житийного сборника, встречаются девять аппозитивных словосочетаний с определяемым антропонимом (*Анастас-душегубец, Анастас-злодей, Анастас-разбойник, Раввула-темничник, Тивуртий-доимщик, Фалалей-корабельщик, Фалалей-мореход, Фалалей-мореходец, Фермуфий-молчальник*), которые играют ритмико-стилистическую роль, участвуя в создании особого ритмического рисунка, чему Лесков придавал особое значение. Так, 20 июля 1889 г. он пишет редактору журнала «Русская мысль» В.М. Лаврову: «Аскалонский злодей» переписан, но я его опять еще раз измарал, все добиваясь простоты и соответственного старинному сказанию эпического стиля. Я с ним очень заморил себя, и он написан каденцированной прозой – почти стихотворно, – что идет легенде и дает ей особый колорит» [СС, т. 11, с.435].

В частных письмах Лесков употребляет аппозитивные словосочетания с определяемым антропонимом как рабочее название своих произведений: *«Зенон-златокузнец» погублен без всякого сомнения (теперь мне это известно) нелепыми действиями редакции «Русской мысли» <..> (о повести «Гора») [СС, т. 11, с.57]; Кланяюсь Виктору Александровичу и г. Ремезову. Последнему прошу сказать, что я ему очень благодарен за отзыв о «Памфалоне-скоморохе» (о повести «Скоморох Памфалон» [СС, т. 11, с.354]).*

Аппозитивное словосочетание *Петруша-воитель*, наряду с другими языковыми средствами, участвует в создании образа боярыни Плодомасовой, героини романа-хроники «Соборяне», отличавшейся умом, сильным и цельным характером, прямоотой и независимостью суждений. Речь Марфы Плодомасовой изобилует паремиями, яркими метафорами и сравнениями, эмоционально-оценочной, просторечной и архаичной лексикой. На вопрос протопопа Туберозова, неужели *всё в России только случайностями едиными и происходит*, Плодомасова отвечает: *Прихлопнули бы твои раскольники Петрушу-воителя, так и сидели бы мы на своей хвалёной земле до сих пор не государством великим, а вроде каких-нибудь толстогубых турецких болгар, да у самих бы этих поляков руки целовали* [СС, т. 4, с.50]. Определяемым компонентом сочетания *Петруша-воитель* является квалитатив *Петруша* – уменьшительно-ласкательная, фамильярная форма имени Пётр, мало ожидаемая по отношению к Петру I. Существительное *воитель* в роли определяющего компонента совмещает оба своих значения: ‘то же, что воин, военачальник (стар. высок.)’ и ‘человек задорный, с воинственным характером (устар.)’ [ТСРЯ 1997]. Аппозитивное словосочетание *Петруша-воитель* свидетельствует о том, что Марфа Плодомасова относится к личности Петра I без пиетета, со свойственной ей иронией, критическим отношением ко всему и всем. Это подчёркивается употреблением просторечного глагола *прихлопнуть* ‘убить, умертвить’ по отношению к Петру I, прилагательного *хвалёный* ‘(ирон.) не оправдавший похвал, расхваленный напрасно’ [ТСРЯ 1997] по отношению к России.

Таким образом, аппозитивные словосочетания с определяемым антропонимом являются одним из средств выражения авторской интенции.

Рассмотренные конструкции составляют 12% от общего количества аппозитивных словосочетаний, выявленных нами в идиостиле Н.С. Лескова. Остальные ещё предстоит исследовать, что поможет установить роль этих языковых единиц в системе художественных средств писателя.

Библиографический список

Абакишина Г.М. Сложносоставные слова в толковых словарях русского языка (на материале имен существительных) // Теория и практика современной лексикографии. Сборник научных трудов. Л.: Наука, 1984. С. 134–147.

Величко И.В. Структурно-семантический и функционально-прагматический статус приложения в русском языке: автореф. дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.01. Ставрополь, 2009. 28 с.

Дрога М.А. Составные наименования в русском языке (ономасиологический и функциональный аспекты): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Белгород, 2010. 22 с.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Наука, 1973. 302 с.

Кочеткова Т.И. Словообразование как средство номинации и предикации в современном русском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2005. 41 с.

Меделец Н.М. Структурно-грамматический аспект подготовки словарных материалов // Величко И.В. Структурно-семантический и функционально-прагматический статус приложения в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ставрополь, 2009. 32 с.

Николина Н.А. Функционирование дефисных комплексов в современной речи // Вестник ННГУ. 2011. № 6 (2). С. 467–469.

НСРЯ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. – Т. 1: А-О. 1210 с.

ПСС – Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: В 30-ти томах. – СПб, 1897-1902.

Спиридонов А.В. Функционирование окказиональных дефисных комплексов в романе В. Аксенова «Редкие земли» // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 105–109.

СС – Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11-ти томах. – М.: Художественная литература, 1956-1958.

ТСД – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.1-4. – М.: Русский язык, 1980-1982.

ТСРЯ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Хашимов Р.И. Билексема как особая единица языка // Вопросы филологии. 2008. № 4. С. 30–38.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2012. 50 с.

Шипулина Г.И. Билексемь-существительные в поэзии М.Ю. Лермонтова Метеор-Сити. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bileksemy-suschestvitelnye-v-poezii-m-yu-lermontova> (дата обращения: 25.02.2022).